

УДК 330

П. А. Минакир

ЭКОНОМИКА И ПРОСТРАНСТВО (тезисы размышлений)

Рассматриваются проблемы генезиса территориальных экономических исследований в соответствии с развитием экономических отношений, анализируются закономерности формирования пространственных систем в экономике, развития региональных экономических исследований и их трансформация в пространственные многокомпонентные исследования в рыночной среде.

Регион, экономическое пространство, размещение, рынок, агломерация, комплексность.

ВВЕДЕНИЕ

Пространство и время — две универсальные формы существования материи в ее различных формах. Экономика, конечно, не является исключением. Она также имеет временную и пространственную координаты.

Временной аспект более привычен и более распространен, как в теории, так и в практической деятельности. Максимальный интерес, и соответственно внимание, привлекает не «бытие» само по себе (даже если оно «sustainable»), а изменения, и прежде всего — изменения во времени. Очевидно поэтому столь популярна и легко усваиваема терминология темпов экономического роста и задачи типа «удвоения ВВП».

Однако экономика даже в самых простых ее определениях не одномерна. Значение имеет далеко не одна лишь «изменчивость во времени».

Если исходить из того, что экономика есть отношение людей по поводу использования ограниченных ресурсов для создания и оптимального распределения максимального количества наилучшим образом соответствующих струк-

туре полезностей благ и услуг, то необходимо решить три взаимосвязанные ключевые задачи.

Первая задача сводится к обеспечению максимальной скорости увеличения количества благ и услуг при данном приросте ресурсов (временной аспект). Вторая задача заключается в обеспечении такого распределения ресурсов, при котором их предельная производительность была бы максимальной. Решение этой задачи уже предполагает явный учет пространственного фактора, так как эффективность использования ресурсов непосредственно определяется тем, где именно используются эти ресурсы, каковы характеристики факторов производства в конкретной точке пространства. Третья задача — распределить произведенный доход таким образом, чтобы в наибольшей степени сочетались соображения справедливости и эффективности. В данном случае мы имеем дело с обычным в экономической теории выбором: что важнее — рост (тогда нужно предпочесть выбор максимально эффективных вариантов распределения) или развитие (которое можно трактовать и как «справедливость», и тогда следует предпочесть распределение в соответствии с какими-то критериями общественной пользы).

В действительности мы здесь сталкиваемся с выбором между пространственным и временным факторами, так как предпочтение эффективности означает предпочтение быстрого роста, увеличения дохода во времени, а общественная польза предполагает учет интересов конкретных групп населения, развитие конкретных территорий.

Подобный выбор происходил и происходит постоянно. Можно сказать, что при принятии любого решения в экономике, на каком бы уровне оно ни принималось (фирмы, финансовой группы, муниципалитета, государства), всегда приходится отвечать на вопросы не только «что» и «сколько», но и на вопрос «где». Естественно, что от ответов на эти вопросы в равной степени зависит конечный результат, то есть скорость изменения богатства (дохода) и его распределение в пространстве. Две эти универсальные координаты — абсолютная величина богатства (скорость ее роста) и распределение созданного и накопленного богатства в пространстве (в пространстве расселения и факторов производства) — описывают экономику как целенаправленный и саморегулирующийся общественный процесс.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСОЗНАНИЕ ПРОСТРАНСТВА

Поиски теоретических ответов на вопрос «где», рациональных методов описания закономерностей распределения производства и богатства в пространстве, а также влияния пространственного распределения факторов производства и элементов национального богатства на масштабы и скорость увеличения самого богатства начались практически одновременно с развитием тео-

рии политической экономики как науки о способах производства и общего распределения богатства. Уже в классических трудах А. Смита и Д. Риккардо развивалась теория международного обмена, в основе которой лежали эмпирические наблюдения о различиях производительности факторов производства в разных точках экономического пространства. Внутри национальных границ экономическое пространство еще было весьма слабо фрагментировано. Различия между производительностью факторов производства, локализованных в той или иной точке национального пространства, не были отчетливо выражены. Зато эти различия являлись очевидными при обмене продукцией, произведенной в местностях, существенно отличавшихся климатическими условиями, наличием и качеством сырья, квалификацией и стоимостью труда.

Расстояния еще не играли существенной роли. Национальное разделение труда еще было слабо развито. Товаров было сравнительно мало. Центры производства ряда товаров были значительно удалены от пунктов потребления. В этих условиях цена в большей степени определялась редкостью блага для потребителя в конкретном месте, а не стоимостью его транспортировки. Это было время, когда национальные экономики начинали специализироваться на тех или иных благах и услугах, что создало впоследствии основу для углубления разделения труда уже в производстве этих выбранных национальными экономиками благ и услуг. Углубление же разделения труда повело к поиску рациональных мест размещения новых производств и, как следствие, к глубокому пространственному разбиению национальных экономик.

Мировая торговля дала в определенном смысле толчок этому процессу. Но сама мировая торговля основывалась на пространственной неоднородности условий приложения труда и капитала, на изначально монопольном положении отдельных стран и географических районов мира в производстве того или иного блага (китайский шелк и чай, португальские и испанские вина, французские предметы роскоши, фламандские ткани, британский уголь и металл, российский лес и зерно, латиноамериканский кофе и пряности, средиземноморские ювелирные изделия, индийские ткани и драгоценности и т. д.). В рамках международного обмена вопрос о том, где производить, не стоял, производство уже «было», следовало только определить, где именно находилось нужное производство и откуда дешевле привезти товар, если существовал (редко) выбор. Очевидно, одна из причин взрыва великих географических открытий связана была с конкуренцией между великими торговыми державами по поводу поиска наилучшего доступа к наиболее редким для европейского рынка товарам.

Начало формированию теории собственно внутринационального размещения производства положила работа И. Тюнена («Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономии», 1826 г.). В ней уже ставился вопрос «где производить?» и давался вариант ответа на него.

Европейские экономики только вступали в индустриальную фазу, поэтому и ответ лежал в сфере аграрной экономики. И. Тюнен предложил теорию сельскохозяйственного штандорта. Согласно этой теории размещение производства тех или иных продуктов на границе опоясывающих рынок сбыта окружностей определяется стоимостью транспортировки этой продукции при данных ценах реализации и величине земельной ренты. При всей чрезмерной упрощенности этой модели, которая критиковалась многократно и по многим позициям, она все же была первой теорией, которая описывала закономерности пространственного размещения производственных (сельскохозяйственных) систем. С развитием промышленности сельскохозяйственный штандорт был дополнен промышленным, теория которого была предложена в 80-х гг. XIX в. В. Лаунхардтом. Оптимальная точка размещения находилась при данных издержках производства в месте, которому соответствовали минимальные транспортные издержки до пункта реализации продукции.

Идеи И. Тюнена и В. Лаунхардта были обобщены А. Вебером («О размещении промышленности: чистая теория штандорта», 1909 г.), который ввел в теорию размещения в дополнение к транспортным затратам общие производственные издержки. Начиная с А. Вебера в теории размещения появляется развернутая система факторов размещения, под которыми понимается экономическая выгода от сокращения издержек по производству и сбыту продукции в результате оптимального размещения производства соответствующего продукта в конкретной точке экономического пространства. А. Вебер рассматривал уже не один, а три фактора размещения, в числе которых был и такой фактор, как агломерационный эффект. Эти идеи были практически использованы в практике плановых работ по размещению производительных сил в СССР в 1920-е гг., когда уже при разработке плана ГОЭЛРО учитывались для определения рациональных экономических районов и мест размещения предприятий три основных фактора размещения — транспортный, трудовой и агломерационный.

Дальнейшее пространственное развитие экономики показало ограниченность чисто микроэкономического подхода к проблемам размещения. Усиление взаимозависимости экономических агентов, развитие многообразных форм разделения труда все более наглядной делали невозможность объяснения решений по размещению в рамках собственно фирмы или предприятия.

Ответом на этот своеобразный кризис пространственной теории в экономике стало развитие к середине XX века теории «мезоэкономики», имея в виду теорию формирования и развития субнациональных экономических комплексов.

В одной из первых в этом направлении работ В. Кристаллера («Центральные места в южной Германии», 1933 г.) ставилась и решалась пионерная задача — описать процесс формирования системы взаимоувязанных удовлетворением потребностей в рамках определенной территории производств. «Кристаллеров-

ская решетка» (соприкасающиеся своими гранями шестиугольники, в рамках которых локализуются зоны сбыта размещенных в пределах шестиугольников производств и потребляющих их продукцию мест расселения) обеспечивала минимизацию экономического расстояния для реализации производимой продукции и движения населения. Качественное продвижение заключалось в том, что транспортная задача решалась не для одного предприятия (продукта), а для целого их комплекса. При этом комплекс составляли как производственные объекты, так и социальная сфера (население и социальная инфраструктура).

Теория «центральных мест» — экономических центров, обслуживающих товарами и услугами определенную территориальную зону, — стала предвестником теории А. Леша («Пространственная организация хозяйства», 1940 г.), в которой существенно расширился предмет теории размещения. В этой теории произошел скачок с уровня отдельных предприятий и поселений к уровню целых экономических районов, которые пространственно вслед за В. Кристаллером трактовались как правильные шестиугольники, размеры которых определяются межрегиональной конкуренцией. У Леша предприятия принимают решения о размещении в пространстве, используя в качестве критерия не только транспортные и производственные затраты, но целый спектр параметров, описывающих экономическую и институциональную среду, в которой функционируют предприятия (налоги, пошлины, эффекты монополии и олигополии и пр.). Существенным шагом вперед стало и представление региона как целостной рыночной среды, а предприятий — как агентов регионального рынка. Эти агенты, так же, как и агенты национального рынка, строят свое поведение, ориентируясь не просто на максимум прибыли, но и на защиту своей рыночной ниши от конкурентов, следовательно, конструируя политику ценообразования применительно к условиям конкуренции именно на данном региональном рынке. Анализ оптимальности размещения фирм, условий равновесия регионального рынка, закономерностей межрегионального обмена продукцией и услугами делают теорию А. Леша одной из наиболее полных и универсальных теорий пространственной экономики.

Развитие теории отражало, конечно, развитие самого экономического пространства, формирование пространственных сегментов национальной экономики.

Проблема пространственной организации экономики вполне проявилась и на практике, и в теории с началом формирования рыночного хозяйства. Аксиомой является то, что рыночная организация хозяйства (что равнозначно товарному производству) предполагает наличие двух фундаментальных оснований — частного характера труда и производства¹, во-первых, и разделения труда,

¹ Из чего вовсе не следует, что предпосылкой и условием рыночной организации экономики является частная собственность, хотя она и может являться одной из конкретных форм организации и существования частного труда и производства.

во-вторых [2, с. 50]. Разделение труда, в свою очередь, является развивающимся отношением.

Первичной и длительное время единственной его формой являлось разделение труда между видами деятельности (отраслевое разделение труда). При этом производство благ и услуг дробилось на множество частных работ по выполнению отдельных операций и производству отдельных элементов продуктов и услуг. Одновременно обмен деятельностью и ее продуктами превращался в обязательное условие удовлетворения потребностей общества. Именно обмен деятельностью и продуктами создает материальную основу рынка¹. Без разделения труда нет обмена, без обмена умирает разделение труда. Следовательно, история общественного экономического развития есть в значительной степени история двуединого процесса «разделение — кооперация» труда/производства/капитала.

Уже гетерогенная мануфактура [2, с. 348–351] содержала «в себе» зачатки территориального разделения труда — закрепление производства каждого отдельного продукта или его части за определенной территорией. Средневековые цеха возникали не в результате сознательного выбора места их расположения, а там, где концентрировались люди, обладавшие соответствующими умениями, спрос на соответствующие продукты и услуги, а также ресурсы для их производства. Однако после своего возникновения цеха превратились в центры кристаллизации, на основе которых и началось формирование всевозможных «решеток», они стали теми самыми «центральными местами», которые стимулировали возникновение иерархической пространственной системы взаимодействующих субэкономик.

Формирование на основе цехов простой кооперации и гетерогенной мануфактуры стало важнейшим стимулом для формирования крупных товарных предприятий в промышленности. В результате генезиса гетерогенного разделения труда появилась органическая мануфактура, что обусловило чрезвычайное ускорение роста производительности труда и процессов концентрации и централизации капитала. Это послужило важнейшим фактором быстрого развития территориального разделения труда.

Первоначально территориальное разделение труда проявлялось как кооперационные связи, обмен продуктами и деятельностью между отдельными предприятиями, расположенными в различных районах страны. По существу это по-прежнему были внутри- и межотраслевые связи. Территориальное разделение труда находилось как бы в коконе, в оболочке из разделения труда отраслевого. Всеобъемлющая система специализации и кооперации постепенно про-

¹ Именно с этой точки зрения неверно противопоставлять «рынок» и «плановую экономику». Последняя также является «рынком», хотя форма этого рынка совершенно отлична от так называемого «свободного рынка».

никала за рамки отраслей. В результате формировались первоначально локальные, ограниченные пределами определенной территории хозяйственные комплексы, которые обладали всеми признаками развитых рыночных систем. Именно подобные локальные комплексы и описываются моделью А. Леша.

Отдельные территориальные хозяйственные комплексы постепенно пронизывались внутренним разделением труда, формировали собственные пропорции производства и воспроизводства, устанавливали отношения обмена между собой. Развитие разделения труда между видами деятельности, а также кооперация видов деятельности в рамках территориальных хозяйственных комплексов стимулировались вполне оформившимся в первой трети XX в. закреплением отдельных видов деятельности по производству благ и услуг за отдельными территориями. Это означало, по существу, пространственную локализацию отдельных видов экономической деятельности (территориальную специализацию).

Таким образом, формировались некие хозяйственные целостности, которые функционировали и развивались на основе сосредоточенных на ограниченной в географическом отношении территории ресурсов (реальных или потенциальных) природы, труда и капитала. Количество и качество этих ресурсов должно было позволить обеспечить удовлетворение совокупного спроса, который являлся для данного территориального комплекса либо эндогенным (в случае рыночной экономики), либо экзогенным (в случае командной экономики) параметром. Совокупность сосредоточенных в регионе ресурсов, их структура¹ задавали характер производственной специализации экономических районов, определяли его «экономическое лицо». А целенаправленность использования совокупности локализованных на территории ресурсов для удовлетворения централизованно задаваемых по структуре и масштабу потребностей определяла необходимость комплексного освоения ресурсов и самой территории, развитие разделения труда, индуцирование самим региональным экономическим комплексом новых целей и потребностей.

Пространственно локализованные виды деятельности (производства специализации²) генерировали в пределах экономически оптимального радиуса взаимодействий спрос на сопутствующие виды деятельности. Формировался территориально локализованный спрос при данных технологиях производства продуктов специализации. Это послужило основой для формирования устойчивых

¹ Имеется в виду, что к ресурсам относятся также и производственные мощности, т. е. физический капитал и технологии.

² Степень специализации отдельных территориальных экономических систем определяется в литературе по проблемам региональной экономики различными способами, в частности отношениями типа $(V_i : V_i) : (V_j : V)$, где V — стоимость валового выпуска в национальной экономике, V_i — стоимость выпуска i -й отрасли в j -м регионе, V_i — стоимость выпуска в i -й отрасли, V_j — стоимость валового выпуска в j -м регионе.

отношений обмена между производствами специализации, с одной стороны, и комплексом «вспомогательных и обслуживающих» производств, с другой стороны. То есть сформировался собственно территориальный рынок, рынок, относительно ограниченный в пределах данной экономической территории.

Формирование этого рынка не могло не привести к качественному скачку в разделении труда по поводу производства продуктов специализации и формированию на этой основе целостного комплекса производств и отношений на определенной территории. Это означало, что на основе экономического обмена между производствами, эксплуатирующими эффективные ресурсы, сосредоточенные на данной территории (экономическое ядро), и производствами, ориентированными на удовлетворение спроса первых (среда), формировались внутренне связанные экономические целостности. Эти целостности занимали более или менее определенное место в системе национального воспроизводства и участвовали в воспроизводстве общественного продукта посредством обмена специфическими продуктами (продукция ядра). Отношения обмена между самими пространственно локализованными отраслевыми подсистемами, т. е. между отраслями специализации, также приобрели устойчивый характер. И именно устойчивость этих отношений обмена придала им форму отношений между собственно территориальными подсистемами, в рамках которых и оказались локализованы соответствующие производства благ и услуг.

Когда разделение труда в территориальном аспекте стало пронизывать все территориальные комплексы, а они в свою очередь «накрыли» всю экономически доступную территорию страны, реальная ситуация стала почти идеально походить на упомянутую выше теоретическую модель, в которой границы пространственных хозяйственных комплексов соприкасаются, и национальная экономика представляет собой множество территориальных подсистем. Именно в этой ситуации каждая отдельная фирма (предприятие, отрасль) потеряла возможность ориентироваться лишь на оптимальные «для себя» варианты размещения. Она должна была учитывать определенную систему экономических отношений и комплекс условий использования факторов производства, характерных для каждого региона.

Изолированное размещение отдельных предприятий становится с этих пор действительно невозможным. Лишь комплексный межотраслевой подход обеспечивал действительную экономию общественного труда при размещении того или иного производства, ориентируясь на благоприятное для него сочетание факторов и условий в определенном регионе.

Наиболее явно и масштабно подобная ситуация проявилась в условиях централизованного планирования в СССР. К середине XX в. именно в СССР соединились огромные масштабы пространственной организации экономики, уникальные возможности превращения теоретических схем пространственной

организации в нормативные схемы централизованного размещения ресурсов и производств. Не случайно именно в СССР Н. Н. Колосовским была разработана теория энергопроизводственных циклов, которая явилась теоретическим обоснованием формирования особых пространственных экономических зон — территориально-производственных комплексов. По существу теория энергопроизводственных циклов воспроизводила в мезоэкономическом масштабе теорию Вебера для особого случая сверхвысокой концентрации природных ресурсов на обширных и в то же время достаточно изолированных одна от другой территориях.

В соответствии с теорией Леша национальная экономика в идеале представляет собой совокупность оптимальным образом специализированных и взаимодействующих территориально-производственных комплексов (ТПК). Именно в рамках этих ТПК должны были бы производиться все важнейшие блага и услуги. В этом случае в рамках каждой территориальной экономической подсистемы ресурсы использовались бы оптимальным образом и, следовательно, совокупные общественные ресурсы были бы распределены и использовались бы оптимально. Фактически это означало бы достижение Парето-оптимального состояния национальной экономики в пространственном аспекте.

Теория ТПК в отличие от пространственной теории Леша акцентировала внимание на собственно производственных связях внутри территориальной системы и на ее внешних связях. Это вполне соответствовало советской экономико-теоретической традиции, в соответствии с которой источником богатства и дохода являлся лишь «производительный труд» — труд в сфере производства благ. Все остальное признавалось вспомогательным, сопутствующим, производным и, по умолчанию, вредным, отвлекающим ресурсы от производства.

В течение 70-х — 80-х гг. XX в. теория ТПК была воплощена в ряде случаев, хотя и не в полном масштабе, в виде ряда ТПК и промышленных узлов на востоке СССР. Технологическим ядром выступали, как правило, энергетические ресурсы в совокупности с металлургическим сырьем. Но в целом вторая половина XX в. стала периодом бурного развития территориальных систем в экономике, которые формировались различным образом, имели различные масштабы, цели, но одинаково обусловили необратимую трансформацию национальных экономик в совокупность территориальных социально-экономических систем.

Опыт СССР и США в использовании территориальной дефрагментации экономической политики и интеграции микроэкономических критериев и макроэкономических концепций в размещенческие стратегии был воспринят после Второй мировой войны европейскими странами, а затем и азиатскими государствами. Появление использованных в политической практике концепций региональных полюсов роста, специальных экономических зон, программ-

ных территорий существенно продвинуло не только теорию размещения, но и повысило эффективность организации экономической жизни вообще.

С развитием экономической теории и унификацией экономической практики все более очевидным становилось, что региональная экономика как направление экономической науки использует аналогичные с другими направлениями методы исследования и анализа. Единство методов и концепций базируется на том, что стимулы поведения экономических агентов в рамках территориальной экономики практически те же, что и в случае микроэкономики или макроэкономики. А в случае исследования межрегиональных взаимодействий обнаруживается удивительное сходство межрегиональной и международной торговли, которые, тем не менее, сохраняют свою предметную индивидуальность, связанную с институциональными особенностями формирования и функционирования соответствующих рынков. Еще одним важным отличием региональной экономики от других направлений экономических исследований является специфический объект исследования — экономический район (регион).

РЕГИОН И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Идеальные теоретические регионы — шестиугольники, в вершинах которых размещаются производства, определяющие специализацию данного региона. Реальное разбиение физического пространства на локальные экономические рынки является значительно более сложным. Это разбиение задается, конечно, не только и не столько экономическими и географическими, но также политическими, технологическими, социальными и другими факторами. Как оказалось, существенное значение имеет и масштаб физического пространства, в пределах которого организуется национальное хозяйство.

Интеграция в рамках регионального подхода микро- и макроэкономических подходов и концепций объективно порождала, с одной стороны, стремление максимально учесть при определении объекта региональных исследований как национальный, так и корпоративный подходы. С другой стороны, специфика научного исследования обуславливала настойчивое желание сконструировать сугубо специфический объект. Эти противоречивые цели при определении объекта породили чрезвычайное разнообразие подходов и конструкций объекта региональных исследований.

Важным обстоятельством является, конечно, то, что выделение экономических районов (регионов) происходило уже после того, как они фактически сформировались в ходе территориального разделения труда и систематически принимавшихся на микроуровне решений относительно размещения тех или иных производств. При этом каждое из таких решений, конечно, являлось ра-

циональным, т. е. учитывало ранее принятые размещенческие решения, включая агломерационный эффект в набор учитываемых при принятии решения факторов. Следовательно, выделение региональных объектов (экономическое районирование) по сути доминировало задаваемой целью. Определение ареала пространственного объекта экономического исследования определялось целью, которая ставилась при таком выделении. В свою очередь границы пространственного объекта определяли во многом его дальнейшее функционирование и взаимодействие с другими регионами.

Здесь прослеживается различие с конструированием границ национальных экономик. Национальные границы устанавливались в ходе политических, военных и лишь иногда экономических событий (примером экономического решения вопроса о национальных границах является покупка Аляски США у России или Луизианы у Франции). Конечно, эксплуатация ресурсов в рамках установленных границ часто ставила пределы экономическому развитию и порождала стремление пересмотреть эти границы. Но это все-таки было вторичным действием.

Выделение экономических регионов происходит, во-первых, в рамках уже сложившихся национальных границ, а во-вторых, на фоне уже сформировавшихся объективных схем размещения и расселения. Задача заключается, следовательно, в выявлении наилучшим образом соответствующего задачам управления и/или эндогенного развития разбиения сложившегося национального экономического пространства на взаимодействующие территориальные фрагменты. Эта задача имеет множество решений. Соответственно, и теория, да и практика предлагала и предлагает множество критериев оптимального пространственного разбиения.

Как правило, в «больших» (с точки зрения масштабов физического пространства) странах объектом пространственной экономики являются преимущественно крупные территориальные образования. Это могут быть ареалы реализации каких-либо программ (например, долина реки Тенесси или Силиконовая долина в США, сибирские ТПК в СССР и т. п.) или крупные административно-территориальные образования (губернии, префектуры, штаты). В странах со сравнительно небольшой и компактной территорией, хорошо организованной и густой транспортной сетью наиболее популярны поселенческие ареалы в качестве объектов исследования. Но в общем случае, очевидно, выбор региона как объекта исследования определяется как характером задачи, которую предстоит решить, так и особенностями конкретного экономического пространства. Пространственный объект исследования и управления должен соответствовать основному требованию — это должен быть реальный или виртуальный комплекс экономических агентов, взаимодействующих между собой и с другими территориальными комплексами. Основными требованиями к объекту

пространственной экономики, следовательно, являются: высокая теснота связей образующих его экономических элементов, открытость и специализация.

Эти требования в условиях командной экономики, абсолютизированной целенаправленности развития, обострялись в ряде случаев до крайностей. В частности, утверждалось, что «регион – это неотъемлемая часть единой системы производительных сил и производственных отношений, он обладает прямыми и обратными производственно-экономическими, ресурсными, научно-техническими, финансово-кредитными и социальными связями с народным хозяйством; здесь осуществляются полные циклы воспроизводства» [10, с. 17]. Регион трактовался, следовательно, как «целостный функционирующий механизм», в пределах которого функционирует локальная воспроизводственная система [11, с. 67]. Именно «завершенность воспроизводственного процесса, превращающего простой набор предприятий и организаций, расположенных на территории, в живой монолитный хозяйственный организм» [11, с. 80] с этих позиций является решающим признаком при выделении региона как объекта управления и исследования. Легко видеть, что эта позиция восходит к теории энергопроизводственного цикла, существенно расширяя, правда, эту концепцию.

Подобная трактовка регионального элемента национальной экономики являлась не просто популярной, но действительно хорошо описывала реальную ситуацию функционирования национальной экономики как «единой фабрики», где отдельные производства и их территориальные комплексы выстраивались в виде идеально дополняющих друг друга и тесно взаимодействующих компонентов. С этой точки зрения, которая была вполне в духе Вебера и Кристаллера, регион действительно представлял «как часть народнохозяйственного комплекса, характеризующаяся наличием воспроизводственного процесса и определяющая общественный воспроизводственный процесс в целом» [3, с. 27].

Велико искушение свести проблематику взаимодействия экономики и пространства, пространственного существования экономики к описанию закономерностей развития отдельных регионов и взаимодействий между ними. Тому есть и объективные предпосылки. Действительно, если экономика с развитым разделением труда может быть представлена исчерпывающим образом как совокупность взаимодействующих, оптимальным образом специализированных и взаимодополняющих друг друга региональных экономических комплексов, то вся проблема сводится к тому, чтобы, во-первых, наилучшим образом определить границы этих комплексов (провести оптимальное районирование), а во-вторых, поддерживать равновесие в рамках этих территориальных частей экономики, что обеспечит общее экономическое равновесие.

Именно такой подход характерен для региональной экономики. Именно в СССР региональная экономика как научная теория концепции единого народнохозяйственного комплекса получила наибольшее распространение, обо-

снование и практическое воплощение. В концепции единого народнохозяйственного комплекса национальная экономика представляется как система взаимодействующих регионов, которая исчерпывающим образом описывает множество экономических субъектов и их взаимодействия. Именно в рамках плановой, командной, иерархически организованной экономики эта концепция наилучшим образом отражала реальную организацию экономической жизни.

Наиболее развернутые и полные трактовки содержания региональной экономики даны в советской и российской научной литературе. Пожалуй, первая весьма идеологизированная и прагматическая трактовка содержания региональной экономики дана Н. Н. Некрасовым [6], несомненной заслугой которого является введение в научный оборот концепции региональной экономики как территориального аспекта народнохозяйственного планирования. В начале 1970-х годов уже можно было поставить вопрос о том, что кроме нормативного планирования приростов и ассортимента продукции, объемов затрат и массы труда имеет право на существование также и нормативное планирование выбора места размещения производства. Это планирование основано на определенных закономерностях, определяющих рациональность такого выбора, на учете определенных объективных факторов и зависимостей. Это был огромный скачок в экономической науке вообще, который, возможно, так и не был в должной мере оценен.

Конечно, и до оформления региональной экономики как самостоятельного направления экономической науки экономическое освоение пространства страны осуществлялось с использованием достижений географической и экономической науки. В частности, формирование новых экономических районов, экономическое зонирование страны для целей планового управления использовало блестящие достижения экономической географии, разработки Н. Н. Баранского, Н. Н. Колосовского, И. Г. Александрова и др. Однако в значительной степени формирование новых регионов, решения по размещению производств и расселению населения принимались исходя из внеэкономических соображений. Принципы комплексности, минимизации затрат, максимизации агломерационного эффекта являлись лишь «фоном», тогда как целевым ориентиром выступали факторы политические, военно-стратегические, административно-политические и национально-политические. Сформировавшаяся пространственная структура экономики вобрала в себя все богатство собственно экономических и внеэкономических факторов, среди которых заметное место занимал фактор «подавления дифференциации», или выравнивания условий.

Именно региональная экономика определила свой предмет как изучение экономики отдельных регионов, включая объективные предпосылки их развития и формирования, исследование производственной и социальной сферы, условий жизни, системы расселения и размещения производства, механизмов фун-

кционирования и управления, экономические связи региона с другими регионами страны и другими странами. Региональная экономика также включила в свой предмет исследование национальной экономики как системы взаимодействующих регионов [1, с. 13–14].

Региональная экономика хорошо подходит для теоретического описания конструкции не только командных и иерархических, но любых сложных национальных экономик. Такие экономики всегда (независимо от размеров пространства) являются пространственно организованными экономиками. Любые пространственно организованные экономики необходимо рассматривать не как монообъект, но как «многорегиональный организм, функционирующий на основе вертикальных (иерархических) и горизонтальных (межрегиональных) взаимодействий» [9, с. 568], что является основным постулатом региональной экономики.

В рамках концепции региональной экономики регионы являются сочетанием видов деятельности и производящих отраслей. Межрегиональные взаимодействия предстают как пространственное выражение межотраслевых взаимодействий — взаимодействий отраслей и видов деятельности, расположенных в разных регионах и взаимообусловленных разделением труда. В рамках же отдельных регионов развиваются внутрирегиональные взаимодействия — устойчивые хозяйственные связи между расположенными в данном регионе производствами.

Экономические регионы превращаются в составные части национальной экономики. Экономические связи внутри регионов и между производствами «региональных ядер» становятся устойчивыми и образуют в совокупности «национальный рынок».

Но только в условиях иерархической командной экономики ставилась, и в основном реализовывалась, цель построения внутринационального баланса спроса и предложения в рамках взаимодействия региональных экономических комплексов. Совокупный спрос на благо или услугу i (D_i) должен был обеспечиваться совокупным предложением этого блага или услуги на основе производства в специализирующихся на данном благе или услуге регионе j (${}^i\Sigma S_{ij}$, $j = 1, \dots, m$). В то же время эффективное производство «неспециализированной» продукции (блага или услуги) в каждом j -м регионе организовывалось таким образом, что спрос со стороны соответствующего производства специализации (ядра) на продукты и услуги входящих в его прямое и косвенное потребление производств на данной территории (${}^i\Sigma D_{ij}$, $i = 1, \dots, i-1, \dots, i+1, \dots, n$) соответствует предложению (${}^i\Sigma S_{ij}$). То есть условием функционирования национальной экономики в качестве вертикально и горизонтально интегрированной системы являлось обеспечение двойного равновесия:

$$1) D_i = {}^i\Sigma S_{ij} \text{ и } 2) {}^i\Sigma D_{ij} = {}^i\Sigma S_{ij}.$$

Первое равенство описывает равновесие на отраслевых национальных рын-

ках, второе — равновесие в рамках воспроизводственных систем отдельных регионов. При этом второе соотношение подразумевает, что функционально регион, с одной стороны, выполняет совершенно определенные задачи в рамках общественного разделения труда, эксплуатируя комплекс условий, имеющихся в регионе. С другой стороны, развитие региона должно учитывать необходимость пропорционального функционирования самого по себе регионального экономического комплекса. Это означало признание того, что региональная экономическая система характеризуется рядом внутрирегиональных функций производственного и социального характера, которые определяют успешность выполнения им собственно национальных экономических функций.

В идеальном случае национальная экономика должна была представлять собой действительно единый технологически увязанный и сбалансированный в смысле равенства производства и предложения комплекс, своеобразную матричную интегрированную систему. Матрица должна была образовываться отраслевыми и территориальными воспроизводственными подсистемами, а ее равновесие в структурном отношении определяется сочетанием оптимального размещения производства важнейших (удовлетворяющих основополагающие потребности общества) продуктов и формирования рациональных пропорций в рамках территориальных подсистем национальной экономики.

РЕГИОНАЛЬНО-ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

В рамках концепции единого народнохозяйственного комплекса, моделью которого является натурально-стоимостная матрица, каждый элемент которой (a_{ij}) есть стоимость продукта отрасли i , производимого в некотором регионе j , экономический район (регион) естественно представляет собой существенный элемент общей экономической системы. Одна из основных предпосылок формирования и функционирования «единого народнохозяйственного комплекса» — его относительная автономность, т. е. производство всех основных благ и услуг, необходимых для потребления (личного и производственного) внутри страны и за счет ее собственных ресурсов. В значительной степени это обусловлено, конечно, тем, что существенная часть этих самых благ и услуг предназначалась в рамках советской экономической доктрины для военного потребления (прямого или косвенного). Это вполне соответствовало представлениям об экономической безопасности национальной системы, которая должна была функционировать, как «военный лагерь». С этой точки зрения построение единого народнохозяйственного комплекса в рамках принятых в СССР критериях общественной полезности и целесообразности действительно рассматривалось как важнейшее достижение советской планово-командной системы управления в общенациональном масштабе.

Матричная (регионально-отраслевая) модель командной плановой экономики в определенном смысле подобна модели А. Леша. Действительно, предположим, что национальная экономика состоит только из двух регионов, в каждом из которых расположены два предприятия (отрасли), и каждое предприятие производит только один продукт, отличающийся от остальных производимых продуктов [5, с. 430]. Тогда максимум выпуска продукта 1 достигается при размещении его производства в регионе I и использовании на него всех наличных ресурсов, а максимум выпуска продукта 2 — при размещении его производства в регионе II также при использовании всех наличных ресурсов только для его производства (рис. 1). Кривой производственных возможностей подобной «отраслевой» экономики будет кривая X_1X_2 .

Но если рассматривать «регионально-отраслевую» экономику, т. е. наличные ресурсы размещать в производство каждого продукта между регионами, то максимально возможные для производства продукта 1 ресурсы делятся на две части. Если производство продукта 1 наиболее эффективно в регионе I, то большая часть ресурсов используется на производство X_{11} (производство продукта 1 в регионе I), а меньшая часть — на производство X_{21} (производство продукта 1 в регионе II). Следовательно, кривая производственных возможностей по производству продукта 1 в пространстве регионов будет выглядеть как кривая $X_{11}X_{21}$. Например, если продукт 1 будет производиться только в первом регионе, но там же будет производиться и продукт 2, то максимальный выпуск продукта 1 в первом регионе составит X_{11} . Такое же рассуждение справедливо и для второго региона и продукта 2. Конкретный выбор размеров выпусков по продуктам и регионам осуществляется в точках, где кривая безразличия для продуктов 1 и 2 касается кривых производственных возможностей.

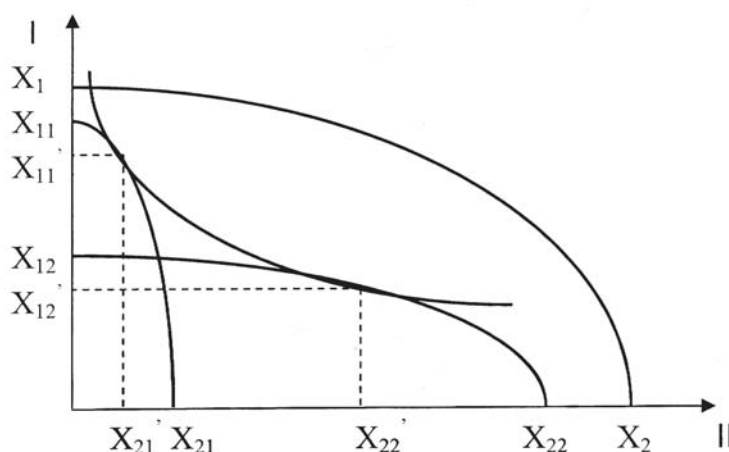

Рис. 1. Равновесная линия производственных возможностей

Таким образом, равновесное состояние при условии полного использования ресурсов определялось бы характером кривых безразличия. При этом подразумевалось, что решения относительно оценок общественной полезности различных продуктов при данном наборе способов производства могут быть приняты единым центральным плановым органом. Это действительно возможно, если экономика реально состоит из двух регионов и двух отраслей.

Описанный механизм в общем виде иллюстрирует процессы территориального разделения труда. Иным образом он описывается теориями международной торговли — теорией сравнительных преимуществ Д. Рикардо, а также теорией факторных преимуществ Э. Хекшера и Б. Олина. Одно из следствий этих теорий — концентрация мобильных факторов производства в тех регионах, в которых эффективность их использования является наивысшей.

Но в реальной сложной, пространственно протяженной советской экономике выработка рациональной схемы распределения ресурсов в рамках отраслей и регионов осуществлялась в процессе сложного взаимодействия элементов национальной экономической системы. И регионы являлись существенным слоем национальной экономической системы, который объективно препятствовал подавлению управляющего и планирующего центра могущественными отраслевыми ведомствами, которые представляли собой еще один и «первый» слой национальной экономической системы.

Собственно региональная экономическая подсистема национальной экономики и теоретически, и практически была ориентирована на выполнение двукединой функции [11]: функции «частичного работника» в национальной экономической системе и функции поддержания внутренней пропорциональности или поддержания внутреннего гомеостаза. Эти две функции порождали стремление к достижению различных, в определенной степени противоречивых, целей.

Реализация этих целей осуществлялась в процессе возрастающей конкуренции между регионами и отраслями, регионами и планирующим центром, между самим регионами. Реальные решения всегда были результатом игры, в которой оптимальные стратегии «игроков» (центра, регионов, отраслей) были не очевидны и, конечно, никогда не являлись «чистыми стратегиями».

Противоречия концентрировались в сфере решения задачи согласования отраслевых решений и территориальных намерений по поводу распределения факторов производства. Расхождения между отраслевыми и территориальными стратегиями в этой «игре распределения» носили принципиальный характер и являлись выражением конфликта двух единых по целям, но различных по способам их реализации сторонам процесса решения народнохозяйственных задач. Отраслевые подсистемы народного хозяйства стремились к развитию отраслей специализации в каждом из экономических районов и организации

рациональной их кооперации в общесоюзном масштабе. Регионы стремились к формированию относительно автономных в экономическом плане хозяйственных систем в рамках собственной территории. В значительной степени это диктовалось все возрастающей социальной нагрузкой и увеличивающимися социальными обязательствами регионов. Подобное стремление объективно вело к формированию локальных рынков и к потенциальной автаркии хозяйства регионов.

Возможности и институциональные ресурсы отраслей по реализации своей стратегии распределения были объективно больше. Это приводило к появлению устойчивого, если и не для всех, то для очень многих регионов, отрицательного системного эффекта, который измерялся народнохозяйственными потерями в терминах выпуска продукции основной специализации региона за определенный период в результате необеспеченности роста «ядра» со стороны «среды». Стратегией регионов в борьбе за ресурсы (как с ведомствами, так и между собой) являлось стремление элиминирования отрицательного системного эффекта с целью снижения уровня напряженности тех или иных общественных потребностей [3, с. 69–70]. Соответственно, расхождения между отраслевыми и территориальными системами в части выделения ресурсов на функционирование и развитие тех или иных производств концентрировались на пункте о выделении ресурсов для комплексного развития территориальных систем.

При этом отрасли (ведомства) тоже признавали необходимость выделения ресурсов не только на основное производство (ядро), но и на поддержание и развитие комплексующих и вспомогательных производств и инфраструктуры (среда). Однако территории требовали развития среды в пределах своего же ареала, а отрасль (за исключением инфраструктуры) стремилась к размещению этих производств там, где ей представлялось это наиболее эффективным¹. Но кроме этого, территориальные подсистемы претендовали на выделение ресурсов для развития собственно территории (обеспечение определенных социальных и инфраструктурных стандартов), что каждой отдельной отрасли представлялось совершенно излишним. Конфликт между коммунальной функцией территории и производственной функцией отраслей (ведомств) был объективен. Территория стремилась к пропорциональному развитию системы «ядро — среда», а ведомства предпочитали концентрировать ресурсы лишь на «ядре», ограничивая понятие «среда» чисто технологическими масштабами и структурой.

В рамках централизованной плановой экономики выработка оптимальных

¹ Это относилось не только к размещению производств и инфраструктуры, но и к проблеме размещения ресурсов на развитие социальной инфраструктуры, в частности острые споры вызывали планы развития ведомственной сети здравоохранения, дошкольных учреждений, учреждений культуры и спорта.

стратегий в ходе «игры в распределение» осуществлялась в ходе осуществления политических процедур, основанных на определенных предположениях относительно характеристик общественной полезности, как отраслевых продуктов, так и региональных параметров комплексного развития. Сильная внеэкономическая компонента в рамках процедуры распределения национальных ресурсов обеспечивала определенный автоматизм поддержания равновесного состояния региональных систем при развитых межотраслевых взаимодействиях благодаря жесткости цен и технологий. Один из важнейших принципов размещения гласил: чем выше в данном регионе концентрация предприятий неприоритетных ведомств или имеющих сравнительно низкие с военно-стратегических или политических позиций оценки полезности продукции, тем жестче масштаб выделяемых региону ресурсов увязывается со сравнительной оценкой эффективности их использования. Этот принцип в реальности становился серьезным препятствием на пути к конструированию сбалансированных региональных социально-экономических систем. В частности, он приводил к тому, что восточные и северные районы, в которых оценки полезности продукции добывающих отраслей и ВПК были выше, чем оценки агломерационного и инфраструктурного эффектов, развивались как сырьевые монопродуктовые провинции.

Определенной компенсацией деформированной структуры являлось приведение в рамках единой бюджетной системы к нулю сальдо доходов и расходов по отдельным регионам, что гарантировало общее финансовое равновесие [7, с. 89–95]. Это достигалось как системой тотального перекрестного финансирования производственных предприятий, так и бюджетного дотирования отдельных регионов. Таким образом, для отраслевых и региональных систем устанавливались де-факто стратегии развития. Эта «игра» не являлась по существу антагонистической, так как регионам «вменялось» поддержание и развитие отраслей специализации, а отрасли были обязаны поддерживать определенный уровень инфраструктурного и социального развития, и выделяемые этим подсистемам ресурсы были если и не достаточны для решения соответствующих задач, то, во всяком случае, включали «защищенные статьи» (соответственно коммунальные или производственные, в зависимости от того, какая система в данный момент одержала «победу» в распределительной борьбе). Поддержание равновесия в рамках каждой территориальной системы было в этих условиях чрезвычайно затруднительным, территориальные стратегии, как правило, являлись Парето-дефектными. Верховенство национального критерия до некоторой степени компенсировало отклонения от равновесия в каждой из подсистем, хотя плановый арбитраж и обеспечивал лишь псевдоравновесное решение, оценки полезности были, как правило, смещены в пользу отраслей.

По мере развития и усложнения экономики все более усложнялась не только двухслойная (территориальная и отраслевая) структура, но и структура

внутренних связей в регионах. Они все более превращались в экономические целостности, конституировавшие единый народнохозяйственный комплекс как органическое множество региональных экономических подсистем.

РЫНОК И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Одним из результатов превращения экономических регионов в самостоятельных и активных агентов общественного воспроизводства, составные элементы «единого народнохозяйственного комплекса» явилось то, что региональная экономика стала «по умолчанию» восприниматься как теория комплексного регионального развития. Как отмечает О. Пчелинцев, «Региональная экономика выступает по отношению к «большой» экономической теории в «двух лицах»: одно сводит задачи пространственного анализа к *пространственному дезагрегированию* экономической информации, другое предписывает региону выступать в качестве самостоятельного субъекта экономического развития, *вносящего в хозяйственные процессы системную связь и экологический порядок*. Мы имеем в виду традицию **комплексного регионального развития**» [8, с. 24].

Конечно, разрушение системы командного централизованного планирования, что равнозначно отмене гарантированного псевдоравновесия на межотраслевых рынках и региональных рынках, не означало исчезновения проблемы (соответственно, теории) комплексного регионального развития, которая является сердцевинной региональной (пространственной) экономики. Сама по себе эта проблема не являлась исключительной принадлежностью командной экономике. Проблематика системного, многокомпонентного равновесного развития в рамках ограниченной территории усложняется и становится все более актуальной по мере развития и усложнения самой по себе экономики и осознания ее взаимообусловленности с экологическими, социальными, технологическими аспектами общественного развития в целом. Не просто максимизация агломерационных эффектов, но реальная системная рационализация многомерных территориальных комплексов все более требует научного осмысления закономерностей взаимообусловленного развития этих комплексов.

Решение этих проблем не становится легче с переходом к рыночной концепции организации общественного развития. Во-первых, территориальное развитие, региональные проблемы, как известно, являются (наряду с собственно социальными проблемами) чуть ли не основной сферой проявления «провалов рынка». «Чистые» рыночные инструменты и механизмы не могут решить большинства территориальных проблем, во всяком случае не в состоянии обеспечить системное развитие территориальных комплексов [5, с. 423–424]. Во-вторых, упомянутая выше проблема противоречия между «богатыми» отраслями, заинтересованными в развитии «ядер» территориальных комплексов и максимизации при-

были на этой основе, и «бедными» регионами, стремящимися к системному развитию территории, отнюдь не является проблемой командной экономики.

Как раз в условиях централизованного управления и планирования явное использование внеэкономических критериев при определении оценок общественной полезности размещения ресурсов помогало обеспечить, по крайней мере, квазикомплексность территориальных образований. Использование рыночных критериев пространственного распределения общественных экономических ресурсов, которые оставили «за скобками» внеэкономические критерии и принципы размещения и пространственной организации экономики в целом, обусловили вполне закономерное проявление «провалов рынка» в территориальном аспекте. Достаточно отметить, что ни в одной по настоящему рыночной стране пространственная организация производительных сил, как и локальное развитие регионов различного ранга, не определяется исключительно рыночными принципами.

Тем не менее, значение сравнительной эффективности использования факторов производства в рамках определенных территорий становится существенно больше, чем в период централизованного планирования. Соответственно, главными ориентирами для размещения факторов производства, а следовательно и для развития и равновесного функционирования территориальных социально-экономических комплексов, становятся пространственно дифференцированные макро-, микроэкономические и институциональные параметры, формирующие экономическое поведение и решения экономических агентов. Именно экономические агенты становятся главными субъектами, определяющими не только пространственное распределение факторов производства, но и характер, масштаб, динамику развития территориальных социально-экономических комплексов.

В условиях командной экономики необходимое для эффективного функционирования экономических субъектов значение микроэкономических параметров обеспечивалось инструментами централизованного планирования и затратного ценообразования. Экономическая политика в территориальном аспекте зиждилась на идеологии вертикальной подчиненности общенациональным критериям и горизонтального взаимодействия в рамках разделения труда (которое опять же было задано общенациональными соображениями эффективности и социальной справедливости).

Эта идеология была разрушена с переходом к концепции рыночной организации общественного производства. Одновременно оказался разрушенным и «единый народнохозяйственный комплекс». В действительности разрушению, конечно, подвергся не он, а система нормативно взаимосвязанных натурально-стоимостными пропорциями предприятий, которая к тому же характеризовалась чрезвычайной консервативностью технологических способов. Единый народнохозяйственный комплекс в вышеуказанном понимании трансформиро-

вался в единое экономическое пространство, формой существования которого является единый национальный рынок.

Понятие «единый национальный рынок» содержит в себе предположение о формировании общих для национального экономического пространства макроэкономических параметров на основе взаимодействия (конкуренции) эффективных в микроэкономическом смысле национальных и зарубежных экономических агентов. То есть национальная экономическая система рассматривается не как закрытая (автаркичная), но, напротив, ее эффективность повышается именно в результате отбора в процессе международных взаимодействий наиболее конкурентоспособных производителей.

Таким образом, в центре внимания оказывается не столько регион как относительно автономная социально-экономическая единица, сколько пространственное распределение значений микро- и макроэкономических параметров (средних и предельных затрат факторов производства, цен благ и услуг, факторных цен, доходов, сбережений, занятости и пр.). При этом под экономическим пространством, в рамках которого происходит распределение значений этих параметров, понимается не только собственно национальное пространство, пространство в пределах национальных границ, но наднациональное пространство, мировой рынок в целом и множество субглобальных (региональных) рынков.

Распределение значений экономических параметров в пространстве определяет уровни и динамику синтетических параметров, описывающих национальную и мировую экономику. Это происходит в процессе взаимодействия параметров, характерных для той или иной территориальной системы (региона), с одной стороны, и «мегапараметров», характеризующих экономику той или иной страны или группы стран (валютный курс, параметры денежного и финансового рынков, налоговой и таможенной политики, состояние институтов и пр.), с другой стороны.

Следовательно, современная экономика, как на национальном, так и на глобальном уровнях, предстает в форме «матрешки» с бесконечно большим числом «вложенных» друг в друга и взаимодействующих друг с другом пространственных социально-экономических кластеров (регионов). Эти регионы имеют различный масштаб, который в каждом конкретном случае определяется содержательностью выделения автономной системы территориальных социальных и (или) экономических параметров. Границы этих кластеров или экономических регионов формируются под воздействием многочисленных факторов и обстоятельств, среди которых географические, политические, исторические, социальные, этнические, административные, финансово-экономические и т. п. Если исходить из принципа «матрешки», то естественным и крайне важным вопросом становится определение рационального минимального масштаба подлежащего содержательному исследованию региона. Вероятно, такой минимальный масштаб как раз и задан современной урбанистикой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пространственная экономика является важнейшим составным элементом современной экономической теории, дополняя ее традиционные разделы областью исследования закономерностей «естественного» и «наведенного» распределения экономических и социальных параметров в пространстве, ориентированного на «пространственную ренту» поведения экономических агентов, формирования и функционирования территориальных социально-экономических сообществ различного масштаба, механизмов и результатов их взаимодействия, формирования пространственного системного эффекта как результата взаимодействия территориальных социально-экономических систем.

Важнейшей задачей и решающим преимуществом пространственного подхода к экономике является возможность многомерного представления субнациональных и субглобальных «региосфер» — пространственно локализованных систем, в рамках которых взаимодействуют экономические, социальные, экологические, географические, политические, технологические компоненты, определяющие как равновесное функционирование и развитие как самого выделенного региона, так и формирование условий максимизации его вклада в развитие пространственных систем более высокого ранга (масштаба).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: Учебник для вузов. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
2. Маркс К. Капитал. Т. 1 // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23. М.: Госполитиздат, 1960.
3. Минакир П. А. Экономическое развитие региона: программный подход. М.: Наука, 1983.
4. Минакир П. А. Дальний Восток в модифицирующейся экономике России // Экономическая наука современной России. 2004. № 1. С. 67–79.
5. Минакир П. А. Системные трансформации в экономике. Владивосток: Дальнаука, 2001.
6. Некрасов Н. Н. Региональная экономика: Теории, проблемы, методы. 2-е изд. М.: Экономика, 1978.
7. Пространственные трансформации в российской экономике / Общ. ред. П. А. Минакира. М.: Экономика, 2002.
8. Пчелинцев О. С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. М.: Наука, 2004.
9. Путь в 21-й век. М.: Экономика, 1999.
10. Шнипер Р. И. Экономические методы управления. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1991.
11. Шнипер Р. И. Региональные предплановые исследования. Экономический аспект. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1978.